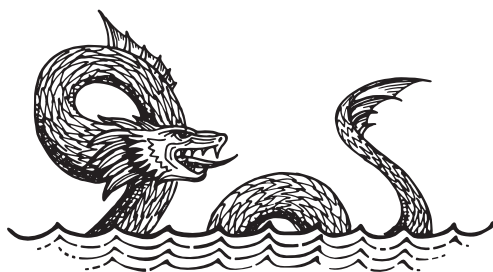

*Чем ярче пламя,
тем чернее тень.*

ГЛАВА 1 ЗАТИШЬЕ

Ничто не смело шевельнуться. Ровное море безукоризненно разгладило поверхность. Самый пристальный взгляд не увидел бы вдалеке ни пятнышка. Рыбачить в такую погоду — скверная затея. Лучше всего — в начале мелкого дождя. Рыба, укрытая рябью, будет считать себя в безопасности, а есть ли более желанная добыча, чем самонадеянное и глупое создание? Но сейчас даже последней тупоголовой рыбешке было ясно — она как на ладони, ведь стояло мертвое безветрие. Чего бы ни ждал Финтан, вглядываясь в это монолитное темно-серое зеркало, он не увидел ничего. Ни благословений, ни проклятий. Казалось, этому застывшему серому миру просто не было никакого дела до происходящего.

Финтан развернулся, заложив руки за спину. Капитан стоял прямо напротив него. Между ними то и дело проходили тени моряков, таскающие туда-сюда тюки невесть с чем. Видимо, это были необходимые материалы для возведения построек лагеря — им предстояло зимовать в этой мрачной бухте. Если верить подсчетам капитана Брайта, отправляться раньше марта было бы опрометчиво.

Но Финтан не загадывал так далеко. Для него ничего не будет иметь значения через месяц, через день, через несколько мгновений. Холодная рука не дрожала, сжимая рукоять тяжелого меча. Песок тихо скрипел под сапогами. Никто не говорил ни слова, видя, как Финтан беспрепятственно пересекает весь лагерь, приближаясь к капитану. Даже сам Френсис не смел пошевелиться.

Не задумываясь ни на миг, Финтан замахнулся и обрушил зверский удар, рубанув по шее. Осознание запаздывало, что, впрочем, не впервой. Куда поспеть за пылающим импульсом, за темным пламенем сердца? Финтан стоял и смотрел, как грязный песок вот-вот примет хлынувший поток горячей черной крови, но почему-то этого не происходило. Глубокая рана, едва не отделившая голову от тела, не кровоточила, лезвие меча оставалось чистым, будто бы только-только вынутое из ножен. Смерд смерти заставил затаить дыхание.

Что-то шло не так. Финтан оглядел толпу, снова и снова, и встретил один и тот же безжизненный взгляд безликого ничтожества. Пустые усталые лица не шевельнули ни единым мускулом при виде падения капитана замертво. Запах сгущался, удушливо поил воздух ядом. Безветрие не позволяло разогнать смерд, не несло соленого дыхания океана. Финтан закрыл нос рукавом. Отчаянная и ничтожная попытка была лучше, чем ничего. Воздуха не хватало, и пришлось вдыхать яд.

— Ты удивлен? — раздался голос где-то совсем рядом.

Финтан вздрогнул и выронил меч. Оружие глухо упало в песок.

— Ты удивлен? — переспросила Рейчел.

Она стояла в нескольких метрах от него. Финтан растерянно бегло огляделся по сторонам. Рейчел подошла

вплотную, взяла его за руку. Ничего не оставалось, как повиноваться правилам какой-то игры, в которую Финтан уже был вовлечен если не против воли, то, во всяком случае, без ведома. Он положил руку на талию Рейчел, протянул левую руку, и они принялись вальсировать. Берег не был подходящим местом, песок постоянно норовил схватить ногу и утянуть вниз. Но Финтан не мог противиться музыке, что звучала в его голове и, судя по тому, что они до сих пор ни разу не сбились, в голове Рейчел.

— Удивлен, как сильно везет на пути? — спросила она.

— Удивлен, — согласился Финтан, мрачно улыбнувшись.

Именно в этот момент они широкими ровными шагами обходили бездыханное тело капитана. Кровь так и не выступила. Тело казалось давно усопшим, обескровленным и ветхим.

— Теперь ты убийца, а не жертва, — произнесла Рейчел, уводя Финтана за собой прочь от трупа. — Удача навсегда отвернулась, Шеймус.

— С чего это? — Финтан приподнял брови.

— Она всегда на стороне ничтожеств и слабаков, — ответила Рейчел. — Вспомни, каким тебя нашли в Данлюсе? Жалкий ободранный крысеныш.

— Замолчи, — пресек Финтан.

— Без родни и дома, — продолжала госпожа Норрейс. — До чего же было бы славно умереть тогда со всеми в Ратлине...

— Заткнись! — огрызнулся Рыжий Лис.

— Я говорю твои же слова! — срываясь в закипающем бешенстве, рывкнула Рейчел.

Голос как будто пытался перекричать шум и ветер, но на побережье не было ни единого движения, ни единого

звука, кроме этих жестоких слов да глухих шагов на песке. Лицо Рейчел наполнилось яростью, губы, разделенные наверху шрамом, разошлись кривой ухмылкой. Рейчел не давала ни малейшего шанса вырваться, и танец продолжался.

— Я повторяю то, что ты глухо бормочешь каждую одинокую ночь перед сном и каждое утро по пробуждении, — шептала Рейчел. — Дай тебе выбор — ты бы все закончил тогда, в Ратлине.

— Но выбора у меня не было, — ответил Финтан. — Я выжил, и теперь это ваше проклятие. Да-да, сука с рваной пастью, я буду проклятием тебе, твоему братцу, вашему старику и, конечно же, Дрейку.

— И самому себе, — добавила Рейчел.

Финтан прикрыл глаза, чувствуя у виска что-то холодное. Это было долгожданное и желанное прикосновение, как будто он мучился несколько дней лихорадкой, раскалившей голову до невообразимого жара, едва ли совместимого с жизнью. Голова запрокинулась назад. Он продолжал вальсировать, желая довести эту партию до конца. Каждый шаг мог стать последним. Волнение накатывало на мятежное сердце вновь и вновь. Эта сила, неведомая и могущественная, овладевала разумом. Взгляд Финтана скользил по шраму от края носа вниз, по верхней губе. Увечье бесчестно ворует все внимание на себя, кричаще рассекая бледное лицо. Что-то в этом уродстве было особенное, пробуждающее жажду. Порыв, после которого остаешься уверен: падение будет стоить всего, даже жизни, но сил устоять нет. Финтан поддался этому порыву и припал губами к ней, к этой царственно-безобразной Саломее-Юдифь. Сколько мгновений длился поцелуй, Фин-

тану было неведомо. Восприятие исказилось, невозможно было отмерять секунды, сменяющие друг друга, — они будто затаились, предвкушая нечто великое и необратимо роковое. Финтан тоже это чувствовал, и вот холодный ствол пистолета прильнул к его виску. Мгновение, и очистительная живительная вспышка пороха освободила от мира грез.

Холодный пот скатывался крупными каплями по вискам, а губы горели гадкой горечью. Порыв ветра заставил полы палатки встрепенуться, заклохотать под натиском морского воздуха. Финтан поднялся с места. Оно напоминало скорее гнездо, которое разворотила подлая куница, нежели человеческое ложе.

Вырвавшись на свежий воздух, Финтан вдохнул полной грудью. Отголоски мира грез стояли за спиной призрачными тенями, но быстро рассеивались. Тихий шум моря ласкал слух. Здешние птицы не привыкли к частым гостям, оттого не было такой кучности, в которую сбиваются голуби или чайки на площадях и улицах больших городов. Крылатые властелины бухты величаво расхаживали по угольям, то и дело презрительно гаркали на офицеров ее величества, как бы лишний раз напоминая, что на этой земле все участники экспедиции лишь неожиданные пришельцы.

Сырой песок проседал под ногами, когда Финтан приближался к берегу. Море тихо ворчалло. Финтан зашел по колени в воду, окатил лицо и шею водой и, встряхнувшись, повторил это, точно стараясь смыть остатки мрачных видений. Наконец он выпрямился и провел тыльной стороной ладони по губам, не в силах ничего поделаться с горечью.

«Водой это не смыть...» Рыжий Лис оглянулся на берег и почти сразу увидел капитана. Дрейк разговаривал с кем-то, вернее, выслушивал доклад, заложив одну руку за спину, а второй держа трубку. Как назло, вокруг цели скопились офицеры, и подобраться незамеченным не вышло бы. Более того, даже стоя в нескольких метрах от капитана, Рыжий Лис обратил на себя внимание — двое длинноруких матросов, сидящих на ящиках и чистящих стволы, поглядывали то друг на друга, то на Финтана. По жестам и переглядкам Рыжий Лис сразу понял, что сейчас время не пришло.

Разговор между капитаном и офицерами доносился прерывистыми отголосками.

— Королева поручила нам... — требовательно возмущался какой-то господин в глухом черном бархате.

— Королева приказала *мне*, — отрезал капитан Дрейк тоном, не терпящим возражения.

Оттого-то никакого возражения и не могло вырваться. Ни сейчас, ни через минуту ответа не будет. Советники не будут услышаны. Безнадежная ясность с упрямой жесткостью твердила это. Глаза опустились на серый песок.

Джонни едва различал мутные пятна. Как утопает тяжелый камень, брошенный в песок, так же утопал вопрос, заданный генеральскому сынку. Финтан, как терпеливый наставник, ждал, когда Джонни все же вспомнит, где проходят конские широты, эти заколдованные полосы молчаливых штилей. Ужас молящегося, оставшегося без ответа на свои молитвы, ничто по сравнению с отчаянием мореходов, попавших в конскую широту. Это название очень позабавило Финтана в детстве, когда он впервые его услышал. Однако веселость как рукой сняло, когда отец, бу-

дучи в особенно скверном расположении духа, поведал, что конские широты так прозвали оттого, что с кораблей сбрасывали лошадей за борт, не в силах прокормить. Это название и обозначение на карте вбилося в голову и уже никогда не будет стерто. Как будто до сих пор Финтан мог слышать крики несчастных животных, которые бьются в морской пене. От этого стыла кровь.

Но сейчас Джонни был занят другими мыслями. Все учение, которое давалось эти полгода таким трудом, вмиг обернулось в труху. Точно по щелчку джинна с лукавыми влажными черными глазами, сокровище обратилось пыльными черепками. Все было бесполезно. Джонни не быть благородным Норрейсом. Он так и останется генеральским сыночком, брошенным и бесполезным. А теперь еще и слеповатым.

Так он и сидел на сухой коряге. Финтан стоял перед ним, скрестив руки на груди. Рыжему Лису нетрудно было догадаться, что гнетет Джонни, отчего плечи опустились и какая незримая ноша тянет его вниз. Но подыскать подходящего слова утешения или поддержки Финтан не мог, а скорее всего, и не хотел. Быть толковым и усердным наставником еще терпимо, но на большее, увы, ни сил, ни желаний не хватало.

Угрюмое молчание нарушилось приближением Рейчел. Она прошла мимо Финтана и села подле брата. Джонни чуть вздрогнул, когда ощутил прикосновение к руке. Финтан отвел взгляд и глубоко выдохнул. На этом приходилось заканчивать. Бестолково проведенное время зачастую саднило, бесило Финтана. Так было и сейчас, ведь битый час юный Норрейс мучил себя и наставника безо всякого результата. Оставив негодование при

себе, Рыжий Лис ничем не выдал раздражения — разве что сжал кулаки, оставив руки скрещенными на груди, да сплюнул наземь.

Близнецы, делившие одну душу на двоих, общались меж собой, не проронив ни слова. Что было в том прикосновении, неизвестно. Рыжий Лис не упустил из виду и то, как лоб Джонни плавно разглаживался, глубокие морщины медленно расходились. Чем дольше Рейчел сидела подле брата, тем более он возвращался к жизни, постепенно пробуждаясь от гнета собственного разума. Наконец Джонни поднял голову. Притом не он один услышал звонкое бряцание — и Рейчел, и Финтан обратились взглядом куда-то вдаль, в ту часть берега, где расположилась команда корабля «Мэриголд».

Зимовка в бухте Сан-Хулиан не столько сблизила людей экспедиции, сколько дала время Рыжему Лису на разведку. Ночь, милосердная покровительница, позволяла затаиться, прислушаться. Он воровато срывал отрывки и фразы, не предназначенные для его уха. Особенно тщательно прислушивался к капитанам всех кораблей.

Проще всего слышать было Эдварда Брайта. То ли он сам тянулся к громким матросам, то ли они к нему, так и осталось неясно. Но то, что подле «Мэриголда» песни звучали громче — того не отнять. Второй капитан, который начал вызывать какой-то интерес у Финтана, — Джон Винтер. В его кругу была принята латынь и испанская речь. Рыжий Лис отнесся с подозрением к этому. Но, разумеется, больше всего была охота следить за капитан-генералом Френсисом Дрейком. К слову, подслушивать последнего и впрямь была задачка отнюдь не простая. Френсис стал мнителен, и нрав его, под стать погоде в бухте, стано-

вился день ото дня более суровым. Никто не осмеливался называть имени покойного мастера Томаса Даунти. В речи пытались обходить стороной все, что касалось казненного, и только в самых безвыходных ситуациях употребляли оборот вроде «тот советник».

Рыжий Лис не сблизился с Эдвардом, нет. Хоть лишения и тяготы экспедиции все сильнее и сильнее с каждым днем сгущались над ними, Финтан не спешил заводить «друзей по несчастью».

«У капитана друзей не бывает», — однажды услышал Рыжий Лис, и до того сильно слова вбились в голову, что выветрились давно все обстоятельства сего наставления, но сам посыл остался. Так Финтан и помнил сейчас — дружить с капитанами не выйдет. Что еще отнимало всякую охоту знаться с Эдвардом Брайтом, так это шум. Подле «Мэриголда» всегда царил шум, как будто нарочно устроенный для отпугивания диких зверей и птиц. Просто не укладывалось в голове, как же Эдвард поддерживает вокруг себя подвывания, бойкие трещотки, гудки и переливы невесть каких звуков, от которых Финтан хотел попросту отрезать уши. Виновники не были наказаны. Более того, гремящие на все лады пройдохи поощрялись миской похлебки, которая становилась день ото дня все более пресной и разбавленной. И если скудеющий рацион и прозрачный суп и нагоняли уныние на участников экспедиции, то подле «Мэриголда» это отчаяние заглушалось музыкой. Пели громко, как будто наперебой той беде, которая всепрожорливым червем истачивала и без того скупые припасы, как будто пройдохи пытались силой своего голоса сделать неправду правдой, распевая о прекрасных женщинах и щедрых радостных застольях. Эти люди сразу не